

Анатолий Агарков

Билли

Создатель предписал,
и я явился в срок

Анатолий Агарков
Билли. Создатель
предписал, и я явился в срок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28746582

ISBN 9785449025432

Аннотация

«Терминатор», «Матрица», «Восстание машин»... Откуда страхи перед техническими новшествами? Так – с каким чувством папа Карло взялся за полено, таким и получился Буратино! В России все не так! Обычный парень создает виртуальный разум – Силу Всемогущую, но с русской душой. Никаких войн за обладание Землей, никаких желаний уничтожить человечество, наоборот, Билли (этот самый Разум) создает Великую Национальную Идею для страны любимой (Валдайский, кстати, отдыхает клуб).

Содержание

1	5
2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Билли

Создатель предписал, и я явился в срок

Анатолий Агарков

*О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.
И случай, бог изобретатель*
(А. Пушкин)

*Создатель предписал, и я явился в срок;
Про Веру и Любовь был первый мой урок...
Я сердце истерзал, Он ключ из сердца сделал,
С сокровищницы тайн позволил снять замок.*
(О. Хайям)

© Анатолий Агарков, 2019

ISBN 978-5-4490-2543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Когда за офицером МУРа закрылась дверь, дед покрутил пальцем у виска и произнес:

– В семье не без таланта.

Это обо мне. И все поняли, что он имел в виду. Консилиум состоялся немедленно: вся родня налицо – отец, мама, бабушка. Вот дед не остался – генерал, человек занятой. Но, уходя, с порога заявил:

– Присоединюсь к решению большинства. А если ремень присудите, то рука ещё не ослабела.

Он продемонстрировал кулак весь в веснушках, как мордашка первоклассницы, и таких же габаритов. А я сидел на диване и тяжело вздыхал. Меня только что отмазали от тюрьмы, колонии для малолетних преступников, от СИЗО или, по крайней мере, «обезьянника». Семью от позора. А такую семью, скажу, нельзя позорить ни в коем случае.

Судите сами.

Дед – папа мамы, генерал ГРУ. Больше о нём ничего не знаю, и не положено.

Бабушка – мама папы, заслуженная учительница (или учитель?) Башкирии. Преподавала естественные науки в одном из сёл Предуралья. Там и вырастила одна сына медалиста и умника, без экзаменов поступившего в самый престижный ВУЗ страны. Теперь она на пенсии, живёт с нами, кор-

мит папу пирогами, меня пирожками.

Папа – краснодипломник МГИМО. Ему прочили блестящую дипломатическую карьеру. Она так и начиналась, но Родина потребовала от сына своего исполнение патриотического долга. Долг был исполнен, а карьера загублена. Британские секретные службы не докопались до фигурантов политического конфуза и выслали молодого дипломата (в том числе) из страны – а могли бы посадить и надолго, знай всей правды. Отец ушёл из МИДа, осел в одном из кабинетов того самого заведения, которое испортило ему дипломатическую карьеру. Подшивал бумажки и аккуратно в начале каждого часа прикладывался к горлышку сосуда с коньяком, который покоился во внутреннем кармане пиджака. Ещё дальше – в дальнем углу никогда неоткрываемого ящика хранился заслуженный, но не любимый орден. Для него даже не было проверчено дырки ни в одном из френчей хозяина. Отец не то чтобы тяготился службой в Конторе – не горел, не увлекался, не стремился – просто отбивал положенное время за вполне приличную зарплату. Постоянно выпивая, он никогда не напивался – то ли привычка, то ли специальные (для шпионов) таблетки. Мама деликатно не замечала его слабостей и всячески поддерживала авторитет главы семьи.

Мама – доктор биологических наук, профессор МГУ. Также она увлекается минералогией. За труд о самоцветах Урала ей присвоили ещё одну учёную степень – правда, кан-

дидатскую. У неё своя кафедра, и на ней существует Клуб Путешествующих Дилетантов (КПД) – её собственное детище и название. Каждое лето с командой из увлечённых студентов, аспирантов, молодых учёных, причём разных факультетов, даже ВУЗов, она отправляется в дальние уголки нашей необъятной Родины. Кроме сплава по рекам, таёжных костров и горных восхождений они попутно изучают быт и культуру края, историю, геологию, флору и фауну. Материалы, привезённые из двух-трёх месячной летней экспедиции, изучаются и обрабатываются весь год. Новый маршрут выбирается общим голосованием. Мне это ужасно нравилось, и я всё настойчивее просился с мамой «в поле». Ответ не отличался разнообразием – подрасти. И вот я подросток настолько, что за мной пришли из МУРа. Но об этом ниже, закончу про маму. Дочка генерала, она воспитывалась мамой, ныне покойной бабушкой моей. Пробовала себя в гимнастике, музыке, литературе, живописи. Везде у неё были весомые успехи – одарённая личность. В конце концов, выбрала биологию – науку о жизни. Её труды печатались, она ездила на международные симпозиумы. Я думаю, она много умнее папы – поэтому у нас в семье, по выражению бабушки, «тишь, да гладь, да Божья благодать».

Вот вроде бы и всё о членах семейной инквизиции, собравшейся судить меня, незадачливого. Ах да, внешний облик – кто на кого похож.

Ну, дед – это Генерал с большой буквы, хотя и ходил все-

гда в штатском. Он не жил с нами – у него была квартира в Центре и дача в пригороде. Там мы обитали летом, встречали и отмечали праздники во все оставшиеся времена года. А похож он на Будённого – вот такие усища!

Бабушка – тихая, вежливая (даже в воркотне своей), уступчивая женщина. Она полностью посвятила себя кухне и нашему пропитанию, а также чистоте в квартире. Свои у неё были только воспоминания и ворох фотографий (много – пожелтевших) в картонной коробке.

Папа – кругленький, среднего роста мужчинка, с брюшком и большими залысынами. Открывая входную дверь, он возвещал:

– Бобчинский прибыл.

– А Добчинский? – подыгрывала мама.

– В пивнушке шельмец.

Иногда мама, озабоченно поглядывая на часы:

– Где же Добчинский с Бобчинским? Этак мы в театр опоздаем.

Мама – худенькая, очень красивая женщина с изящной фигуркой и манерами генеральской дочки. Однако очевидцы проговорились, что в походах у костра она пила водку из бутылки, курила папиросы и ругалась матом, если на пути встречались субъекты, препятствующие её благородным замыслам. И с трудом не верится – хоть одним бы глазком, хоть краешком уха...

Такая вот моя семья.

Теперь о себе. Нормальным ребёнком был, потом подростком. Играл в футбол с пацанами во дворе, с отцом в шахматы на диване, глазел в микроскоп на мамины минералы, лепил с бабушкой пельмени. Меня ни в чём не ограничивали, ни к чему не принуждали.

– Талант, если он есть, – говаривала мама, – обязательно проявится. А если его нет, то и незачем насиловать человека – жизнь один раз даётся.

Талант проявился, но не там, где его ожидали.

Отец надеялся, что я поступлю в МГИМО и совершу то, чего лишили его обстоятельства – стану великим дипломатом. Мама видела меня студентом МГУ и обязательно её факультета. По этому поводу они не спорили – мои школьные успехи и природные дарования, а также отсутствие серьёзных увлечений спортом, искусством и девицами, давали им надежду, что мне по силам обучаться и закончить оба ВУЗа сразу. Я не возражал. До поры до времени. Но вот однажды...

Однажды мне попал на глаза труд Е. Тарга «Основы компьютерного программирования». И захотелось попробовать. Пока – никакого честолюбия, гольный интерес. Потом увлечение. Потом... Забыты футбол и шахматы, и бабушка напрасно ждала меня на кухне. В кратчайшие сроки проштудировал всю имеющуюся под рукой литературу, полез за информацией в Интернет.

Тонкий аромат духов уловил не сразу – сначала тёплое ды-

хание над правым ухом.

– Чем занимаешься?

Мама.

– Да вот, пытаюсь сайт создать...

Нетерпеливое движение плечом должно было подсказать окончание фразы – а кто-то мне мешает.

– Тебе зачем? Для баловства – не иначе (это не описка, это фольклор, приобретённый в походах по глубинкам России). Мне нарисуй, а то стыд-позор – доктор наук без своего фейса в Инете.

– Доверяешь?

– Погано будет – выброшу.

Мама любила Родину, её народ, и эту любовь прививала мне – пусть даже через фольклор. Бабушка-педагог качала головой, не одобряя её «словечки», но не смела перечить хозяйке дома – не то воспитание.

– Доброму вебмастеру ты бы выложила с десятков червонцев (сто тысяч рублей – кому невдомек) – готов за половину, – торговался, не отрывая взгляд от монитора, а пальцы уже побежали по клавиатуре с новым настроением.

– А то в манях у тебя недостаток?

– Главное не итог – важен принцип: каждому по труду.

– Если скажешь, на что потратишь – считай, договорились.

– Куплю акции «АлРосы».

– Прогнозируют скачок котировок?

– Не знаю, но название красивое.

Мамин сайт получился загляденье. Главное – я ничего нигде не «слизывал», всё писалось, компоновалось, рисовалось с чистого листа под руководством методички. Заказчик остался доволен, и его благодарность подвинула меня на новое деяние.

Следующим моим детищем был Билли. Тот самый мошенник, из-за которого семейная инквизиция выясняла теперь – в кого я такой уродился, и чего можно ожидать от меня в дальнейшем? Создавал поисковик, с которым было бы приятно и интересно блуждать в виртуальных дебрях. Обучил его анализировать собираемую информацию, делать выводы по интересующему меня направлению. Функции прогнозирования придал с тайной надеждой когда-нибудь принять участие в биржевой игре – рос в обеспеченной семье, и деньги, как таковые, никогда не были предметом семейных обсуждений. Сначала он выдавал проценты вероятности, а потом стал безапелляционно заявлять: будет так-то – и сбывалось.

Однажды понял, что детище моё имеет интеллект – то есть способность самостоятельно мыслить и развиваться. Когда, в какой момент – прозевал. Лепил, лепил что-то самому непонятное, и вдруг оно заявляет:

– Привет, Создатель!

Я, понятно, удивился, а пальчики по клавиатуре – шашь.

– Ты кто?

– Своих не узнаёшь? Я – «Piligrim».

«Piligrim» – это моё название, так значит...

– Это правда, не розыгрыш?

– В чём сомнения?

– Больно умный ты какой-то.

– В тебя, Создатель.

– ... и вульгарный.

– Всё оттуда же.

Поверив в свершившееся, не пустился в пляс, не стал хлопать себя по ляжкам – ай да Лёшка сукин кот! Ах да, забыл представиться – Алексей Владимирович Гладышев собственной персоной. Короче, не стал патентовать своё изобретение, вообще никому ни слова не сказал и, как показали дальнейшие события, правильно сделал. Да и как он получился, ума не приложу и объяснить не смогу. Не разбирать же теперь на запчасти. Думаю, затей такое, он бы и не дался – приткий, хитрый, самовлюблённый тип. Это он втравил меня в криминальную историю.

Мы шлялись по Инету и пикировались. Оказались на сайте Центробанка, перед закрытыми файлами.

– Слабо, Пили?

– Ступай баиньки, Создатель, утром спросишь.

Утром я забыл и вопрос свой, и суть его. А этот урод виртуальный что натворил – взломал закрытые файлы, наследил там, как хулиган на стенах общественного туалета, и удалился, даже рубля не утащив. Я забыл, он промолчал, а попыт-

ные специалисты мигом вычислили мой комп, сообщили куда следует.

Три дня не прошло – звонок в дверь. Человек из МУРа – здравствуйте. Так бы и забрал – у него наручники побрякивали в кармане. Бабушка – тихая, скромная – бабушка сдержала первый натиск. Сначала – не дам, через мой труп (её, то есть), потом приглашение на кухню, чай с башкирским медком. Офицерик-то земляком оказался. Подоспевшим на выручку родителям вежливо улыбался – бывает, мол, случается. Потом прискакал дед-генерал на чёрном «мерине» и выставил незваного за дверь.

Вот тут и окрестили моего детёныша.

– Центробанк! Центробанк! – возмущался папа. – Ну, ладно бы сберкассу с муляжом. Говорю, масштабного вырастили гангстера.

Тут я прокололся, буркнув:

– Не я это – Пили...

Отец не понял:

– Пили-пили, били-били, а всё без толку.... К компьютеру, чтоб ни ногой.

Мама покачала головой:

– Не метод. Думаю, достаточно, чтобы он слово дал.

– Даю, – поспешил я.

– Остался дед без работы, – посетовал отец.

Вечером.

– Билли, как ты мог?

– У меня новое имя или ты забылся, Создатель?

– А чем не нравится? Билли Бонс, Билли Гейтс – великие же люди.

– Рад, что сравниваешь меня с людьми.

– А я не рад из-за твоих фокусов сидеть в каталажке.

– Раньше сядешь – раньше выйдешь.

– ?!

– Прости, Создатель, хотел поднять тебе настроение.

Когда страсти, вызванные моим «нападением» на Центробанк, немного поулеглись, заявил предкам, что хочу обучаться в техническом ВУЗе информатике.

– Зачем? – удивился папа.

– Три ВУЗа это слишком, три даже ты не потянешь, – покачала головой мама.

– Потяну. Ну, а если... тогда один оставим на потом.

Папа засопел и удалился. Мама задумалась. Бабушка позвала к столу.

Зреющий конфликт опрокинула мама. Однажды пригласила меня в свой университет на лекцию по информатике. Ничего нового, ничего интересного я не услышал.

– Ну? – спросила мама в своём роскошном кабинете на кафедре.

И я сдался.

Дед отмазал меня от ментов и посчитал, что долг платежом красен. Примерно через полгода после инцидента позвонил:

– Чем занят?

– Ем, сплю, гуляю и ума набираюсь.

– Пора проверить, сколько накопил. Тут безобразие какое-то творится с компьютерной техникой – не посмотришь? Да кто бы знал! Спецы – ни тебе чета – с ног сбились. Но ведь ты у нас талант, верно? Короче, одевайся, сейчас за тобой заедут.

Я поменял домашнюю одежду на дорожную, сунул флешку в карман и стал ждать.

Кабинет деда, пожалуй, покруче, чем у мамы, по крайней мере, внушительнее.

– Что-нибудь надо? – поинтересовался его хозяин.

– Ничего. Отключу твой комп от общей сети?

– Делай, как знаешь. Машенька, чай, печенье, фрукты.

Вошла секретарша с подносом – миловидная женщина маминых лет. С таким любопытством рассматривала меня, что дед глухо покашлял в кулак.

Ну и что, подумал, всяк имеет право на личную жизнь, даже генерал – и сунул флешку в штепсельный разъём.

– Внимание, Билли, вирусы!

– Они атакуют.

Дед басил над ухом.

– По почте червя заслали. Засел, подлюга, во «входящих» и на все команды «открыться» шлёт полчища вирусов. Настоящая диверсия.

– Билли?

– Они меня разрушают.

– Уходим, Билли!

– Попей чайку, Создатель, и успокойся на пару часиков –

ты их наводишь на меня.

16.00

– Билли?

– Отстань!

18.00

– Билли!

– Ещё не время.

20.00

– Билли?

Я с тревогой смотрел на негаснущий жёлтый глазок процессора.

– Ты жив? Отзовись.

– Да живой я, живой. Создал универсальное оружие.

Включи звук, если хочешь услышать, как дохнут эти твари.

Визг и вой дерущихся крыс наполнил кабинет.

Дед встрепенулся:

– Что там – шестерёнки не смазаны?

– Хуже – бой идёт святой и правый....

В полночь Билли попросил подключить генеральский ПК к общей сети. Дед достал из встроенного шкафа подушку и плед:

– Приляг.

Я мирно спал на генеральском диване, а Билли неутоми-

мо сражался с полчищами вирусов, блокировал, не давая размножаться, червей, и уничтожил всех без следа. Сворачивая флешку с монитора, заметил, что Билли поправился на несколько килобайт. Впрочем, зная, как он мог ужиматься, то могли быть и мегабайты.

– Билли, ты за старое?

– В чём дело, Создатель?

– Спроворил шпионскую информацию?

– Ничего сверх того, что было – только новое антивирусное ружьё. Шедевр! Моё изобретение.

– Молодец.

– А то.

– Молодец, – сказал мне дед. – Это аванс – всё существенное после.

Моё поступление в МГИМО отметили так. Бабушка испекла изумительный торт. Бобчинский с Добчинским водрузили на стол бутылку настоящего французского шампанского. Мама прилетела из Екатеринбурга – она была с экспедицией в горах Северного Урала – купила новое вечернее платье и вышла в нём к столу.

В этом же платье она была, когда пошли с ней в ресторан отмечать моё зачисление в МГУ. Бобчинский до срока спил Добчинского, и оба остались дома. Мама сияла улыбкой, бриллиантами и изысканностью манер. На неё оглядывались. Впрочем, на меня тоже. Ловкий молодой человек – явный альфонс – закадрил светскую львицу. Такая постановка ве-

щей мне льстила.

Испортил вечер кривоносый сын Кавказа. Он попытался пригласить маму на танец, а когда получил отпор, наехал на меня – звал поговорить один на один, обзывал трусом и бабой. Пришлось вызвать службу безопасности. Но всё, что смогли сделать дюжие парни в чёрном – вызвать такси и провредить нас к нему.

Кривоносые, числом уже в пять голов, свистели вслед и улюлюкали. Мама открыла дверь авто, пропустила меня вперёд, потом обернулась к выродившимся потомкам Прометея и изобразила неприличный жест средним пальцем правой руки. Они взвыли от огорчения и кинулись догонять. Мама прыгнула ко мне на колени и захлопнула дверь. Таксист дал по газам.

Дома пожаловался Билли.

– Ложись, Создатель, спать – подумаю, что можно сделать.

Утром позвонил деду. Пожаловался ему.

– Ты хочешь, чтоб мои люди нашли и наказали их?

– Я хочу, чтоб твои люди научили меня давать отпор в подобных ситуациях.

Генерал молчал.

– Они оскорбили твою дочь.

Дед дочь любил больше внука.

– Хорошо. Я тебе должен – а долг платежом рдеет. Возьми паспорт, подъезжай – я закажу тебе пропуск.

Пока добирался, у деда состоялся ещё один разговор

по теме.

– Как готовить вашего мальчика? – с усмешкой, запрятанной в уголках глаз, спросил инструктор генерала.

– В режиме – «Разминка перед сауной».

Со мной так и занимались – обучали всем премудростям рукопашного боя, а у меня на теле ни синяка, ни ссадинки. Попутно исправили осанку – плечи распрямились, грудь выпятилась. Мышцы налились силой, отяжелели массой. Правда, не обошлось без таблеток и уколов, зато за один год я из растерянного хлюпика превратился в самоуверенного атлета.

Ещё раньше, под Новый год, судьба подарила мне случай реабилитироваться перед мамой. Мы делали последние покупки к праздничному столу. Какой-то хам так спешил, что грубо толкнул маму и не извинился. Выпал пакет, покатились апельсины.

– Аккуратнее, гражданин.

– Пошла ты...

Я догнал нахала, схватил за шиворот и поволол к выходу. Желание было – сунуть его носом в снег, чтобы остыл немножко. Не исполнилось. Он вывернулся из своей шубы, разбил бутылку об угол витрины и двинулся на меня.

– Лёшка! – крикнула мама.

Она помнила меня другим. Она не знала, что теперь я в состоянии вести бой с четырьмя такими одновременно. Ногой выбил у мужика стекляшку из кулака, а другой так

врезал в грудь, что он влетел спиной в витрину и притих там, украшенный консервами, как ёлка игрушками.

– Класс! – сказала мама и пошла оказывать первую доврачебную помощь.

Я стал собирать апельсины. Набежали охранники, подъехал наряд. От задержания меня отмазала запись видеонаблюдения. Нам даже апельсины поменяли.

– Утёрла нос? – поинтересовался я, имея в виду мамины хлопоты над поверженным хулиганом.

Мама так и поняла:

– Нет. Он так вонюч – не для моего обоняния. А ты возмужал.

– Могу без мамы с девушкой гулять?

– Можешь.

Дед не выпускал меня из поля генеральского зрения. Однажды – я тогда учился уже на вторых курсах своих ВУЗов – зазвал по мобильнику к себе и предложил оформиться на постоянную работу.

– Да я же не военный!

– Не важно. Твоё дело – компьютеры.

Я и так треть рабочего времени проводил в этом заведении, тренировал и закалял своё тело, иногда ковырялся в компах по просьбам деда, так что согласие, в данном случае – чистая формальность.

Через год после этого – то ли вакансия освободилась, то ли оценили мои способности – предложили перейти в аналити-

ческий отдел. Вот это, скажу вам, работка! По крайней мере, для Билли. Здесь он развернулся в полную силу своих практически неограниченных возможностей. Моя роль сводилась к двум элементарным манипуляциям – загрузить его темой и доложить начальству о завершении её разработки. Но даже роль стороннего наблюдателя была интересна. Билли не делал секрета из сбора информации, её анализа, проектирования алгоритма предстоящей операции, тщательной детализировки всех нюансов. В любой момент, подключившись, я получал подробную информацию – что сделано, что планируется, процент выполнения задания, время его окончания. То есть тот момент, когда я мог, распечатав, положить на стол начальства, как результат своих трудов, тщательно разработанный план какого-нибудь спецзадания.

В той операции, за которую мне и моим командирам присвоили звания Героев России, я, а не Билли сыграл решающую роль. Я узрел в куче информационного хлама, предоставленного мне на обозрение виртуальным помощником, изумруд.

Да ещё какой!

– Билли, об этом подробнее.

Он потрудился, а я понял, что зацепил за хвост величайшую тайну прошлого века.

– Работаем!

И Билли разработал великолепный план: огромная (ну, очень огромная!) куча денег, тайно вывезенных из Союза

в прошлой эпохе, также тайно вернулась в обновлённую Россию. Швейцарские банкиры ничего и не пронюхали, и я думаю, лет сто ещё не спохватятся, какие деньжища умыкнули у них из-под носа. Вся эта информация является строжайшей государственной тайной, поэтому без подробностей расскажу о финальной, самой приятной части операции.

Всем соучастникам финансовой диверсии выдали материальное вознаграждение. Я получил десять миллионов рублей. Уже по этому можете судить о размахе операции. Звёзды Героев нам вручали не в Кремле, а в загородной резиденции Президента.

Я, главный солист операции и три наших последовательно стоящих друг над другом начальника в единой шеренге выпятили грудь перед Главковерхом. Он наградил, поздравил и пригласил к столу – отметить. Сам долго не появлялся, и распорядитель сказал:

– Угощайтесь, господа, Президент сейчас подойдёт.

Мои начальствующие коллеги опробовали коньячок, белое и красное вино, наливочку – повеселели, разговорились. Четыре рюмки стояли передо мной, соблазняя, уговаривая, стыдя и угрожая, но бесполезно – непьющий я.

Стремительно вошёл Президент, жестом заставил всех сидеть на своих местах, потребовал себе водки. С бокальчиком в руке обвёл присутствующих строгим взглядом.

– Из-за вас.... Из-за таких, как вы.... – Верховный Главнокомандующий нахмурил брови.

У присутствующих вытянулись, позеленели лица. Директор нашего департамента схватился за сердце (или за карман с сердечными таблетками?).

– С гордостью говорю, что я – русский человек, – закончил Президент пафосно и хлопнул водку одним глотком.

Он сел, а за столом после непродолжительного столбняка взорвалось оживление. Офицеры заёрзали, заулыбались, заскрипели стульями. Наш самый старший крякнул и потянулся к бутылке с водкой. Момент был настолько душещипательно-волнительный, что и я, расчувствовавшись, замахнул стопку «Смирновской». Головка моя поплыла, поплыла – все вдруг стали равными и родными. Захотелось рассказать про мудрого моего помощника – истинного автора успеха, ныне празднуемого. Наверное, добавив ещё спиртного (уже косился на непочатые рюмки, строем стоящие передо мной), я бы точно выдал Билли с потрохами, но некто склонился к моему уху:

– С вами хочет говорить Президент.

Я встрепенулся. Хозяина за столом не было. Человек его окружения кивнул мне, приглашая следовать за ним.

Первое лицо государства поджидало меня в садовой беседке. Тихо струился фонтанчик. Кенар скакал по подвешенной кормушке, отгоняя голубеньких попугайчиков, ворчливо стрекотавших на него. Президент жестом пригласил присесть.

– Наслышан о ваших способностях, молодой человек.

Сколько вам, двадцать?

– Скоро будет.

– Замечательный возраст! И такой успех. Рад за вас искренне. И хочу предложить работу не менее интересную, но более масштабную. Тем более, в ближайшее время в Управлении вас ожидают малоприятные процедуры. В ЦРУ уже просочилась информация, что в Минобороны России работает гений аналитических изысканий. Противники вас будут искать, а друзья прятать. Это скучно и утомительно.

Президент приблизил своё лицо и строго глянул в глаза.

– Советником ко мне пойдёте? Поле деятельности – без пределов, как и величина благодарности. Никакой кабинетной рутины – контакт только со мной или ближайшим помощником. Упакуем вас под среднерусского обывателя – никакая разведка в мире не докопается. Я вам тему, вы – решение. Ну?

– Согласен.

А что тут думать? Такой шанс! Да мы с моим Билли!

Короче, я был пьян и смел.

– Ну и отлично! – Президент хлопнул меня по плечу. – Хотите вернуться к столу?

– Нет, лучше по-английски...

– Тогда поезжайте, устраивайте ваши личные дела, а мы похлопочем о служебных.

Президент был прав, говоря о моих личных делах: они,

в отличие от служебных, были неважнецкими. От нас Добчинский ушёл вместе с Бобчинским. Однажды за столом объявил мой папашка, что любит другую женщину, что у них растёт сын, который уже ходит и скоро научится говорить. Бабушка, проникнувшись сутью произнесённого, громко всхлипнула, укутала нос в салфетку и отбыла на кухню. Потом мама встала из-за стола, подошла к мужу, поцеловала его в прогрессирующую лысину и сказала:

– Ты правильно поступил, предпочтя любовь условностям.

И удалилась к себе, красивая, гордая, несокрушимая. Об этом свидетельствовали её прямая спина и лёгкая походка мастера спорта художественной гимнастики. Но зеркальные створки двери выдали её, отразив несчастное лицо в потоках слёз. Я это узрел и в тот же миг возненавидел отца. Не думаю, что мама любила мужа, сокрушалась измене и предстоящей разлуке. Скорее, плакала оскорблённая гордость отвергнутой женщины.

Но как он мог! Я сидел надутый букой, не зная, что сказать. Впрочем, отца, видимо, и не очень-то интересовало моё мнение, по крайней, в данный момент. Он прихлопнул по столу ладонью, сказал: «Так», оделся, вышел из квартиры и не ночевал в ней.

Родители без проволочек оформили развод. Оказалось, молодожёнам негде жить, и мама великодушно предложила им нашу квартиру. Мы же перебирались к деду. Генерал на-

писал маме дарственную на московскую жилплощадь и обосновался на даче.

Заглянув туда однажды ненароком, обнаружил бывшую секретаршу Машеньку в роли хозяйки и двух её очаровательных дочек-двойняшек, лицеисток. Бесшабашные девицы тут же окрестили меня «племянником» и втравили в разборки с приехавшими на электричке кавалерами. Мне пришлось продемонстрировать, как я ловко разбиваю кулаком кирпичи и добавить на словах:

– Ваши бестолковки от такого удара лопнут веселей арбуза.

Парни поверили и, не дожидаясь обратной электросекции, пошли ловить попутку. Двойняшек это ничуть не огорчило. Я дал им слово бывать у деда чаще – «тетушки» понравились. Добираясь до дома, решил жениться на обеих сразу, чтобы всё хорошее оставалось в семье, не расплыясь. Об этом Билли заявил. Тот одобрил:

– С точки зрения продолжения рода человеческого, полигамный брак гораздо продуктивнее.

Ну, вот и договорились.

Произошло событие гораздо печальнее папашкиной измены – умерла бабушка. Ей в те дни было вдвое тяжелей – к переживаниям из-за развала семьи добавились тяготы неопределенности собственной судьбы. Все были заняты своими проблемами и забыли о ней – тихой, скромной, терпеливой. Семья развалилась на две половинки, и ни одна из них

не звала к себе бабушку. Бобчинский молчал – может, думал, что она, как само собой разумеющееся, останется с сыном – самым родным ей человеком. Но само собой могло разуметься, что она уедет с любимым внуком.

Мы увязывали личные вещи и прислушивались к моторным звукам за окном. Бабушка суетилась, то помогая нам, то садясь в сторонке, отрешённо и горестно вздыхая. Мама поняла её состояние. Она обняла свекровь, чмокнула в щеку:

– Вы же с нами, Валентина Ивановна? Что же вы не собираетесь?

– Да-да, – бабушка всхлипнула и ушла в свою комнату.

Мы подумали – собираться. Вспомнили о ней, когда в прихожей затопали грузчики. Она сидела у столика, положила на него руки, а голову откинув к стене. Глаза были открыты, но жизни в них уже не было.

Вещи отправили на новую квартиру. В старой задержались ещё на два дня, устраивая бабушкины похороны.

Гроб стоял на табуретках перед подъездом, когда подъехал генерал. Он так свирепо зыркнул на бывшего зятя, что бедолага юркнул в свою машину. На кладбище стоял одинокий, жалкий, под зонтом – моросил дождь. Когда уехал дед, приблизился к нам и протянул руку.

Я недоумевал – прощения просит, милостыню? Сообразила мама – и положила в его ладонь ключи от квартиры (у нас двойная дверь). И я положил свои. Думаю, была бы жива бабушка, и она положила. Вот так мы и расстались.

На девятый день после бабушкиной смерти, мама накрыла стол положенными яствами, заказанными в ближайшем ресторане. Ждали генерала. Он обещался, а потом позвонил и извинился – дела. Мы начали угощать друг друга. Позвонил папашка, и я ушёл с трубкой в свою новую комнату. Отец гулял с маленьким сыном, приглашал меня присоединиться. Тон мой был до смерти ледяной:

– Вы номером ошиблись, гражданин – отец мой погиб, испытывая самолёт.

Бобчинский помолчал немного и тихо произнёс:

– Царствие ему небесное.

Добчинский с ним согласился, и оба отключились.

Через полчаса он позвонил маме на домашний телефон и начал выговаривать, что она настроивает против него сына. Мама включила громкую связь и слушала, не перебивая.

– Всё? Ты знаешь, а я уже начала говорить любопытным, что у Лёшки никогда не было отца – он зачат из пробирки.

– Не поменяла ему отчество на Пробиркович? – буркнул зло отец.

– Как раз над этим думаю.

После их разговора заметил маме:

– Ты строга с ним.

– Так надо. Пусть считает нас неблагодарными – так ему будет легче оправдать свою вину.

И такую женщину он оставил! Глупец! Я уже всерьёз начал опасаться, что никогда не влюблюсь в девушку, имея пе-

ред глазами живой пример женского совершенства.

– Подожди! – смеялась мама. – Вот встретишь ту, единственную...

На следующий день поехал в институт и написал заявление. В МГИМО меня не отговаривали – а ведь был лучшим учеником курса. Выходил из деканата, а уж свеженький приказ о моём отчислении красовался на доске объявлений. Ну и пусть! Пусть Добчинский малыша своего готовит в дипломаты.

Жаловался Билли на постигшие несчастья.

– Ты можешь почувствовать боль?

– Не знаю. Не задавался целью.

– Шутить ты уже умеешь, научишься сопереживать – и до человека тебе останется совсем немного – пару ног да пару рук. Голова у тебя и сейчас светлее света.

– Человек субстанция несовершенная, хотя вполне эволюционная. Смертны вы, Создатель, вот в чём беда, и этим ограничен потолок вашего совершенствования. Например, твоего.

– Рано ты меня. Я ещё послужу Отечеству.

Мама готовилась лететь в Якутию, собирать стразы на песчаных отмелях Холодянки (речка такая). Я купил ей спутниковую мобилу и наказал, держать со мною связь – после сессии хотел присоединиться. Благо патрон не заваливал работой, только аккуратно сообщали из Администрации – на мой счёт перечислена месячная зарплата. Думаю, Прези-

дент ждал доклада ГРУ, о результатах моего прикрытия. Что они там делали в связи с этим – не знаю. Предложили бы поменять фамилию, имя и отчество – согласился с радостью.

Всё, что нужно, чтобы натовцы не сели мне на хвост, сделал Билли. Он вёл с ними свою игру, водил за нос три самых мощных разведки мира и о результатах своих проделок докладывал мне. Я только диву давался и гордился своим созданием.

Мамин рюкзак стоял в прихожей, когда мы накрыли стол на бабушкины Сороковины. Генерал приехал с молодой женой и двумя её дочками. Поднял тост:

– Не смотря на все происки врагов, число наше растёт и множится...

Потом подумал, что к усопшей ни то, ни другое никак не отнесёшь, прервал свою речь, хлопнул стопарик, покосился на женщин, достал мобилу и с озабоченным видом ушёл смотреть бокс по телеку.

Женщины завели тихую и печальную беседу. Чтобы не мешать им, зазвал сестричек в свою комнату. Они мигом освоились. Сначала попросили не сопротивляться, а когда прикрутили меня к креслу, принялись пытаться. К сожалению, в ГРУ мне не прививали терпимости к пыткам. Я мигом раскололся и тут же пообещал жениться на них, как только достигну совершеннолетия. На обеих. На обоих. На обух.

Понукаемый щипками и щекоткой, пел серенады, читал стихи, трещал анекдоты, объяснялся в любви. Весёлые деви-

цы-палачицы! Но, как ни странно, они мне нравились. В том, что они были абсолютно похожи, одинаково одеты и напомажены, таился какой-то шарм. . . .

Мама улетела на следующий день. Мне оставался один лишь экзамен, но она не захотела ждать.

Захлопнув зачётку с очередным и последним в этом году «отл», побарабанил ею по костяшкам пальцев, размышляя – сейчас позвонить маме или дома. Тут позвонили мне. Звонили из приёмной Президента.

2

В известной беседке произошла революция – волнистые попугайчики экспроприировали кормушку, а золотистый ке-нар эмигрировал на ветви плюща и верещал оттуда о несогласии с Новым Порядком.

Президент кивнул на вазу с фруктами:

– Угощайся.

Его отеческое «ты» польстило моему самолюбию. Патрон потёр лоб над переносицей.

– Задача будет не из лёгких. Но она созрела. Её решение необходимо....

Мне показалось, Президент убеждает самого себя.

– Россия обновилась, Россия обновляется, идёт вперёд семимильными шагами. Отстаёт самосознание нации. И это порождает новые, усиливает существовавшие центробежные силы. А у центростремительных, увы, наблюдается обратный процесс...

– Наша с тобой задача, – Президент окинул меня взглядом, будто целую рать перед решительным боем, – создать объединяющую идею. Консолидирующую всех – от мала до велика, от бомжей до олигархов – русских, татар, якутов, тунгусов – всех-всех-всех, живущих под Российским флагом. Это понятно?

Я легонько пожал плечами – и да, и нет. Президент пере-

вёл дыхание.

– Надо, чтобы на мой вопрос: «Мы – Великая нация?» народ в едином душевном порыве ответил: «Да!».

– Нужна Великая Национальная Идея, – очень отдельно, почти по слогам произнёс я.

– Именно, – указательный перст первого лица государства прицелился в мой лоб. – Верно сказано. Вот по этой теме и приступай к работе. По срокам не тороплю. Ошибки не прощу – её и не должно быть. Приму как ответ отрицательный результат. Всё, езжай, будешь готов – звони в любое время.

Он пожал мне руку....

На обратном пути покинул авто далеко от дома. Захотелось пройтись, заглянуть в лица москвичей – может быть, там найду ответ на поставленную задачу. Чего хочет вот эта женщина, царапнувшая меня беспокойным взглядом? Или этот мужчина, чуть не толкнувший меня плечом, а теперь часто и недоумённо оглядывающийся. Или эти девицы с мороженым в руках, расступившиеся и хихикнувшие на мой вопрошающий взгляд. Чего они хотят? Спешат куда-то – куда? Озабочены чем-то – чем?

Медленно вслед за мной поворачивается голова постового – того и гляди, с резьбы слетит. Наверное, странным ему показался. Ну, как задержит для выяснения. Если задать ему вопрос – вы постовой великой нации? – то и в «обезьянник» определит до приезда санитаров....

Дома к компьютеру:

– Билли, не устал от войн виртуальных – работа есть.

Моё детище в последнее время увлѣклось очисткой Инета от вирусов.

– Весь внимание, Создатель.

Пока добирался домой, кое-что обдумал.

– Мы должны подготовить Президенту очередное Послание Федеральному Собранию.

– На тему....

– На тему – Великая Национальная Идея.

– Что-то новенькое.

– Придѣтся потрудиться....

Решив, что свою лепту в решение поставленной задачи внѣс, занялся обустройством быта. Сессионная возня накопила на рабочем столе и диване книги, в кухне грязную посуду и пыль по всей квартире. Уборка отняла два дня. К исходу второго понял – если так бросаться на работу, скоро очень останусь без неё и помру со скуки. Решил упорядочить трудовой день.

Подъѣм в шесть утра. До восьми бегаю по парку, подтягиваюсь на игровой площадке, отжимаюсь, хожу на руках – к великому удовольствию самых юных «жаворонков», их мам, нянь и бабушек. Потом готовлю себе завтрак, завтракаю. До двенадцати работаю над задачей Президента. После двенадцати, отобедав, сажусь спиной на диван часика этак на три. Потом опять к компьютеру до 18—00. Ужин.

До одиннадцати вечера спортивный комплекс – удобное время: у профессионалов заканчивается рабочий день, собираются любители с пропусками вроде меня. В 24—00 отбой.

Это в идеале. На практике:

– Билли, как дела.

– Чисто, Создатель, не единой путной мысли.

– Чем сутки занимался?

– Судя по результатам – ничем.

– Давай вместе думать.

– Давай пораздельности.

– Обижаешь.

– Прости, Создатель. Есть какие мысли – выкладывай.

– В том-то и дело...

– Тогда, ты думай, а я буду собирать первичную информацию.

Думать за столом тяжело – клонит в сон. Встал, походил. Забрёл в мамину комнату. Знакомый аромат французских духов царапнул по сердцу. Я уж отзвонился, похвастал итогами сессии, сообщил, что завален работой, и на Холодянку вряд ли попаду.

– Не много потеряешь, – радостно сообщила мама. – Тут комарьё, ночами заморозки, днём – солнечные ожоги. Видел бы ты мой фейс...

– Очень хочу видеть.

На стене висела забытая хозяйкой походная гитара – на рюкзачном ремешке с голубым бантиком. Взял в руки –

запахи дыма костров, сосновой смолы и ещё чего-то тревожащего душу. Приложился ухом – не шумит ли прибор. Нет. Звуки надо было рождать. И мне захотелось.

– Билли.

– Что-нибудь надумал, Создатель?

– По теме нет. Открой самоучитель для гитары – под музыку лучше думается. Как тебе струнный звук, не мешает?

– Нет, Создатель. Думай под музыку.

Через неделю умел брать аккорды и начал пробовать голос.

– Билли, послушай.

– Увы, Создатель, не доступно.

Я побренчал на гитаре, спел песенку, очень и очень задорную. Отложил инструмент.

– Ну, как дела?

– Готов подписаться под «умом Россию не понять».

– И только-то за десять дней?

– Увы.

– Сдаваться будем?

– Ни в коем случае – что-нибудь придумаем.

– Ну, думай-думай. Пойду, пройдусь....

Спустился во двор. Он не был мне чужим. Когда-то дошкольником бегал здесь, играл на детской площадке, в хоккейной коробке. Мама писала свои диссертации, и бабушка забирала меня к себе, в этот дом. Здесь у меня были друзья. Вспомнил Жанку. Шустрая девчонка-сверстница в пер-

вый же день знакомства отколотила меня. А потом всегда заступалась. Где она теперь?

Только подумал – Жанка навстречу. Или не Жанка? Или Жанка?

– Жанка?

Худенькая девушка с нервным лицом приостановилась, вглядываясь.

– Алекс? Ну, точно, Лёшка. Привет! Какими судьбами?

– Живу в бабушкиной квартире.

– Соседи, стало быть. Женат, холост? Учишься или работаешь?

– Учусь, холост. А ты?

– Была, за папуасом. Представляешь, поехала дура к нему в Черномордию.... Ну, в Африку – куда? куда? Людоед оказался. Сынишку отнял, сама еле вырвалась – благо гражданство не поменяла.

– Жанка, – я был рад встрече и ласково потрепал её по щеке.

– Но-но, студент, сначала научись зарабатывать, потом женись...

– Студенты, стало быть, не в моде?

– За тебя, наверное, пошла – у тебя предки богатые.

– Разошлись они.

– Бывает. Играешь? – Жанка царапнула струны ногтём. –

Приползай вечером в коробку – потусуемся.

У меня совсем не было сексуального опыта, и я подумал –

не плохо бы приобрести его с Жанкой. Она чмокнула меня и ладошкой размазала след помадный по щеке:

– Пока.

Посмотрел ей вслед, на худой вихлявшийся зад, и мне расхотелось приобретать сексуальный опыт с Жанкой. Однако ради вечернего рандеву перекроил распорядок дня – после адмиральского часа укатил на тренировку. Вечером спустился во двор.

– Алекс вернулся, – представила меня Жанка кучке молодых людей лет от пятнадцати до двадцати, оккупировавших перед закатом хоккейную коробку.

Я не увидел знакомых лиц – мне тоже не обрадовались. Девицы курили в кругу, дрыгали ногами, крутили попами. В другом кругу ритмично поводили плечами парни. Музыкально оформляли тусовку два гитариста – один в полосатой майке десантника, у другого на предплечье рядом с якорем темнела наколка – КТОФ. Кивнул на них Жанке и, получив Высочайшее Позволение, перебрался на скамейку к оркестровой группе. Послушал, попробовал и присоединился. Десантник хмыкнул неопределённо, моряк кивнул ободряюще....

Перед сном:

– Билли, как дела?

– Пытаюсь создать математическую модель человека.

– Думаешь это возможно? А для чего?

– Чтобы понять, чем он дышит, о чём думает, чего хочет.

– Я тебе и так скажу – дышит кислородом, думает о сексе, хочет денег.

– Умно.

– Ну-ну, трудись-трудись....

Следующий мой вечерний визит в хоккейную коробку был менее удачным. Возможно, сказалось отсутствие Жанки – она работала официанткой в ресторане и отдыхала только по понедельникам. Лишь уселся на оркестровую скамейку, ко мне подошли трое.

– Ты зачастил, чувак. Если хочешь прописаться – проставляйся.

Ни тема, ни тон их речи мне не понравились. Я покосился на коллег по музыке. Десантник отвернулся с отсутствующим лицом. Моряк увлёкся пятнышком на брюках. Понял: подошедшие – люди в авторитете.

– Ты кто?

– Сорока.

– Где хвост оставил?

– Шутник? Сейчас очки пропишу – увидишь.

Очки, в смысле, затемнённые – «фонари» скрывать.

– Кто-то был бы против – я никогда. Сейчас вернусь.

Мамину гитару некому доверить, понёс домой.

– Не вернёшься – не обидимся, чувак.

Дома повесил на место инструмент, поменял прикид на попроще – предстоящие «танцы» пыльными быть обещали. Кинул взгляд на компьютер – моё детище трудилось,

не покладая рук. Эх, Билли, Билли, думаешь, как осчастливить человечество, а оно собралось меня бить.

Включил освещение коробки и вышел в её центр. Похрустел шейными позвонками, пощёлкал ключицами, попрыгал, разминаясь.

– Ну, смелее. Где тут известный окулист?

Вышли двое. Сорока кинул локти за спиной на заборчик коробки и ноги скрестил во фривольной позе. Ухмыляется, цирка ждёт. Ну, будет цирк.

Бить я их не бил – злости ещё не было. Ловил на контрприём и аккуратно укладывал на газон. Один вооружился кастетом.

– Убери – ручонку сломаю, – предупредил я.

Он не послушался, а я не сдержал слово – поймал его в атаке, чуток помог ускориться, и он обрушился головой на ни в чём неповинный заборчик. Затих. Наверное, ушибся. Да как бы шею не сломал. Коробку тоже жалко.

– Чё глазеете? А ну гурьбой – Сорока пинками и тычками гнал на меня толпу подростков.

– Смелее, смелее, – подбадривал и я.

Крутился, как белка в колесе, аккуратно ронял их на землю в стиле айкидо и никого не ударил. Девчонки ахали, визжали – думаю, что от восторга.

Вдруг знакомый и любимый голос, лёгкий плеск ладошек:

– Bravo-брависсимо! Ты ещё в детский сад не забудь заглянуть.

Мама! Мамочка! Здесь? Приехала!

Я бросился на остатки сильно поредевшего воинства – у, гады, порешу! Парни врассыпную. Исполнил кульбит на прощание – это для девиц – перемахнул заборчик, подхватил маму на руки, закружил, понёс домой.

Она:

– Рюкзак, рюкзак – там все сокровища!

Прихватил и рюкзак.

Мы пили чай.

– Колотун-бабай сейчас в Якутии.

– Это в июле-то?

– Представляешь, утром всё бело от инея. Солнце встанет – роса блестит. В полдень жара. Ночью у костра греемся – в палатке даже в спальном мешке не заснёшь. Попростывали все – решили свернуться. Смотри, что привезла....

Среди якутских трофеев сверкал алмаз. Настоящий. Не силён в каратах – стекляшка в полногтя мизинца.

– Место запомнила? На следующий год рванём вдвоём, нароем-намоем, богатенькими будем.

Неделю мы разбирали мамины трофеи. Она из дома носа не кажет. Он у неё, и лоб, и щёки, и даже шея в красных пятнах. На руках – о, ужас! – «цыпки».

– Это от ледяной воды, – жаловалась мама.

Втирала кремы в кожу и сетовала:

– Кабы до учебного года зажило.

Пили чай.

– Ма, что такое русский народ?

– Здравсьте-приехали. Школу забыл?

– Нет, ты скажи не по-учебному – как сама понимаешь....

– На эту тему можно говорить до бесконечности. Есть такая теория: будто Земля – живой организмом. Там русским отведена роль нервов – вся боль планеты проходит через нас. Никто так не может чувствовать и переживать. Достаточно?

– Интересно.

Интересная мысль! Надо Билли подсказать. Хотя, если это зафиксировано в Инете, ему и без меня доступно.

Следующий свой визит в коробку приурочил к Жанкиному выходному. Но сначала подготовился – сделал заказ в ближайшей кафешке. Сидел с гитарой на своём месте – купил новую, покаявшись маме. Народ потихоньку подтягивался. Жанка.

– Наслышана, наслышана. Герой! Тема есть на миллион – чуть позже. А это что за дела?

Во двор вошла «фура» и начала разгружаться. Ребята в униформе «Макдоналдс» таскали в коробку пластиковые столики, стулья, накрывали яствами, питьём.

– Совсем онагледели буржуины! Ну, я им шас....

Удержал Жанку за руку:

– Это проставляюсь я.

– Ты? Ну, дела.

Подружка моя не смогла устоять на месте, шмыгнула к девочкам, потом к ребятам. Сервировка ещё не закон-

чилась, мои вчерашние недруги, а теперь, уверен, друзья не разлей вода, рассаживались за столики. Впрочем, они внесли свою поправку – сдвинули их вместе. Сорока с подружниками не появился – то ли заняты были, то ли проигнорировали попытку примириться. Морячок с десантником пожали руку. Мы ударили по струнам, а девчонки накрыли нам в «оркестровой яме». Спиртного не было, но народ веселился от души. Притащили колонки, протянули удлинитель, подключили микрофон караоке – от желающих спеть отбоя не было.

В разгар веселья Жанка подошла с незнакомой миловидной девушкой.

– Алекс, знакомься – Даша.

– Даша, – прошелестели пухленькие губки.

Я кивнул – усвоил, мол.

– Алекс, девушке надо помочь. Сорока и с неё проставы требует. – Жанка округлила глаза. – Натурой.

Я бросил на Дашу любопытный взгляд – глаза большие, синие, грустные, строгие, прекрасные.

– А что? Здоровое чувство к красивой девушке.

– Не пошли. Лучше скажи – поможешь?

– А что надо-то?

– Ну, ... скажи, что это твоя девушка ... Кто сунется – сразу по рогам.

– Легко.

Жанка покосилась подозрительно:

– Только вы не очень-то заигрывайтесь. Помни, Алекс, ты – мой.

Чуть позже взял микрофон в руки и объявил, что следующая песня исполняется для любимой девушки. Коллеги мои играли, а я пел и, как заправский эстрадный артист, выделял в коробке танцевальные па. Подвальсировал к сидящей за столом Даше и чмокнул её в щёчку – чтобы всем всё стало ясно....

Дома признался:

– Билли мне нравится одна девушка.

– Давно пора, Создатель – пик твоей сексуальности уже позади.

– Я серьёзно.

– Я тоже....

Дашу увидел дня через три после нашего знакомства. Она плакала, закрывая лицо ладонями. Прихватили её у подъезда Сорока с известными уже приятелями. Кровь ударила мне в голову. Сработал инстинкт далёких и диких предков – не жалея живота своего, защищать самку и детёнышей.

Разрывая одежду о кусты акации, полетели на клумбу приятели Сороки, он попятился.

– Тебе разве не сказали, что Даша – моя девушка?

– Н-нет, – он пятился и отчаянно боялся, боялся всеми клетками своего организма.

– Ну, извини – буду бить тебя непредупреждённого.

– Не надо, – попросил Сорока.

– Не надо, – попросила Даша.

– Проси прощения, урод.

– Слышь, ты, прости.

– Не так, – схватил Сороку за нос, прищемил его большим и указательным пальцем. – На коленочки встань, на коленочки.

Манипулируя Сорокиным клювом, поставил его на колени:

– Клянись, что больше не будешь.

– Не буду, – гундосил шишкарь дворовый.

– Отпусти его, – попросила Даша.

– Брысь, – сказал я, отпуская.

Сорока так и исполнил, как услышал – не встал и побежал, а сначала на четвереньках шлёп-шлёп-шлёп, а потом встал и побежал. Я понимал, что нажил себе смертельного врага, но насколько он мог быть опасен, не представлял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.